

Говорят, смерть целится наверняка и никогда не промахивается, но вряд ли Тай Йоркшир мог предполагать, что умрет от удара щеткой по голове. Теперь на его лице застыла маска удивления: глаза выпучены, как у карпа, а губы кривятся от замерших на них грязных ругательств.

Считается ли преступлением убийство человека, который пытался тебя изнасиловать? В моем случае, видимо, да. Законы штата Миссури в 1849 году от Рождества Христова не предполагают сочувствия к дочери китайца.

Я продолжаю стоять, вцепившись в щетку, и несколько раз произвольно встряхиваю руками, пока не замечаю на запястье кровь. Задохнувшись, разжимаю пальцы, и щетка с грохотом падает на холодную мокрую плитку рядом с головой мертвеца. Снаружи ухает сова, часы бьют девять раз.

Я мысленно возвращаюсь на двенадцать часов назад, к моменту, когда мир еще не перевернулся с ног на голову...

***

Сегодня в девять утра я пристегнула ремень к футляру скрипки Леди Тин-Инь и взглянула на отца, который стоял, прижав к уху ракушку. Когда я покупала ее в лавке древностей в Нью-Йорке, эта ракушка казалась мне очень красивой. Но с тех пор как отец начал прикладывать ее к уху каждое утро и каждый вечер, просто чтобы «услышать океан», во мне появилось желание ее расколотить.

Он положил ракушку на раскроечный стол и развернул рулон ситца. Наш магазин «Свисток» уже был открыт, но пока никто не нуждался в галантерее.

Пол заскрипел, когда я быстро прошагала мимо мешков с кофе, помеченных клеймом «Свисток», и направилась напрямик к полке с конфетами. Отец продолжал резать ткань. Так же размеренно, как делал все остальное: *чик, чик*.

Я засунула в футляр банку мятных леденцов для угощения детей на занятиях и направилась к двери. В отличие от отца, я всегда выполняла свои обещания. Если ученик правильно играл гаммы, я вознаграждала его мятным леденцом. И я бы никогда не вытащила у него изо рта конфету и не заменила ее, скажем, рыбьим жиром. Никогда.

— Сэмми.

Я замедлила шаг, услышав свое имя.

— Не забудь взять шаль.

Чик.

Я не хотела тратить время на ее поиски, боясь опоздать. Но если я выйду без шали, люди на улице будут глазеть на меня еще больше, чем обычно. Я вернулась в нашу тесную гостиную в задней части магазина и вытащила из корзины шерстяной сверток. Под шалью обнаружилась тарелка, накрытая тонкой пергаментной бумагой — сюрприз мне от отца. Я сняла бумагу, и передо мной засияли пять *дон тот* — пирожных с заварным кремом, похожих на миниатюрные подсолнухи. Должно быть, отцу пришлось встать очень рано, чтобы приготовить их. Он знал, что я все еще злюсь.

Я взяла тарелку и шаль и вернулась в магазин.

— Ты обещал, что мы вернемся обратно в Нью-Йорк, а не поедем за две тысячи миль в противоположную сторону.

В Нью-Йорке была культура. Если повезет, я смогла бы даже зарабатывать там на жизнь музыкой.

Его ножницы замерли. Когда он наконец-то поднял глаза, наши взгляды на долю секунды встретились. Его аккуратно причесанные волосы показались мне сегодня блее, чем обычно.

— Я сказал «однажды», — спокойно, но твердо ответил он. Затем его тон смягчился. — Говорят, Тихий океан такой спокойный, что его можно перепутать с небом. Мы увидим множество новых животных: дельфинов и китов, которые длиннее, чем целый городской квартал, а может быть, даже встретим русалку. — Его глаза заблестели.

— Папа, не надо, я уже не ребенок!

До шестнадцати мне осталось всего два месяца.

— Вот именно. — Он нахмурился и вернулся к работе. Затем откашлялся и добавил: — У меня насчет нас большие планы. Мистер Триск и я...

Опять этот мистер Триск! Я резко поставила тарелку на раскроечный стол так, что одно из пирожных повалилось набок. Отец поднял бровь.

— В Калифорнию едут только те, кто хочет долбить камень! — огрызнулась я. — Там, кроме голых камней, ничего больше нет.

— Калифорния — это ведь не Луна.

— Для меня это хуже чем Луна! — Я знала, что не должна оставлять за собой последнее слово, но ничего не могла с собой поделать. В конце концов, я родилась в 1833 году, в год Змеи. Отец смотрел на меня печальными и всепрощающими глазами. Мой гнев немного утих. Вздохнув, я осторожно сгребла с тарелки порушенное пирожное и вышла из магазина.

***

Пять часов вечера. Опустив голову, я спешила по улице, поднимая юбками пыль вокруг себя. До меня доносился запах дыма, какой-то особенно сильный

сегодня. Может быть, в соседней коптильне опять пригорело мясо? Мальчишки, которые там работали, были не особо смышленными, зато весьма злыми и жадными. Я предполагала, что за солонину, которая потребуется нам для питания в пути на Запад, они заломят с нас втридорога, и у отца не останется выбора, кроме как заплатить, сколько скажут.

Я шагала мимо неопрятных кварталов, состоящих из разномастных построек, тоскуя по упорядоченным улицам Нью-Йорка. Там были настоящие тротуары, а в воздухе пахло морем и свежим хлебом, в отличие от Сент-Джо, где воняло мусором, дымом, грязью и...

Я подняла голову. Небо загустело до туманно-серого цвета и покрылось мелкими частицами... пепла? Что-то кислое поднялось в горле.

Горело вовсе не мясо в коптильне.

Я побежала, скрипка подпрыгивала у меня за спиной.

Пожалуйста, Боже, только не это!

Я пролетела несколько пустых улиц и повернула на Майн, где неожиданно оказалось слишком много людей: одни просто стояли и глазели, другие прижимали к себе вырывающихся детей. Шум обрушился на меня со всех сторон: крики, рев животных и мое собственное хриплое дыхание.

Наш «Свисток» превратился в обугленную кучу, в уродливое чернильное пятно на фоне мрачного неба. Воздух дрожал от жара, но горький дым, щипавший нос, говорил мне, что это не мираж. Над пожарищем, как черные снежинки, кружил пепел.

— Отец! — Я бросилась вперед, озираясь в поисках его.

Я высматривала его седые волосы, миниатюрную фигуру и поношенный пиджак с заплатками на локтях, который он все никак не мог собраться обновить, потому что откладывал деньги на мое будущее. Сейчас,

скорее всего, он снял его, потому что таскал воду вместе с остальными.

Дым заполнял легкие и жег глаза, я терла их грязными пальцами.

— С дороги! — рявкнул мужчина, тащивший ведра.

Вода из них плеснула мне на юбку.

Я бежала за ним, пока он не передал ведра другому, который вылил их на тлеющие руины.

— Мой отец...

Мужчина едва взглянул на меня:

— Он погиб.

Я издала сдавленный крик. *Погиб?!*

— Тебе повезло, что тебя там не было, иначе тоже оказалась бы в ловушке. А теперь не мешай! — Он наступил мне на ногу, когда проходил мимо, но я почти ничего не почувствовала.

Боже мой! Я не... Я должна была...

— Как это случилось? — бормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Это несчастный случай? Отец был самым осторожным человеком из всех, кого я знала. Он всегда заливал печь водой после того, как она прогорала, и строго следил за тем, чтобы все соблюдали запрет на курение. Нет, если это и несчастный случай, отец точно был не виноват.

Кто бы ни оказался причастен к этому, пусть он тысячу раз заплатит, пусть ослепнет на оба глаза, оглохнет на оба уха. А еще лучше, пусть сгинет в аду.

Я подавила всхлип и попыталась разобраться в царившем вокруг хаосе. В куче обугленных обломков я разглядела горку пепла на том месте, где стоял наш деревянный сейф. Хотя мамино браслета внутри уже не было, в нем хранились и другие уникальные ценности: фотография матери, иммиграционные документы отца.

Сильный жар не позволял мне подойти ближе чем на пятнадцать футов к нашей входной двери, точнее, к тому месту, где она была. Я пыталась найти отца, все еще не веря в случившееся, но когда мне стало уже просто нестерпимо жечь кожу и глаза, я внезапно осознала это так же четко, как и то, что чуда не случилось: отца больше нет. Он сгорел заживо.

Я вздрогнула, а потом грудь сдавило так сильно, что мне едва удавалось дышать. Меня окутывал густой и непроницаемый дым, но ужасная правда не давала сдвинуться с места: сегодня после того, как я провела свой последний урок, я бродила по берегу грязной Миссури, бросая камешки в воду, вместо того чтобы сразу вернуться домой. Я должна была быть с ним.

Отец, прости, что спорила с тобой. Мне очень жаль, что я ушла, задрав нос. Вспоминал ли ты об этом, когда дым лишил тебя последнего вздоха? Ты всегда говорил: «Наберись терпения в момент гнева, и ты избежишь ста дней печали». Мой нрав предрекает мне жизнь, полную печали. И теперь я никогда больше не смогу попросить у тебя прощения и увидеть твое доброе лицо.

Навстречу мне неся еще один человек с ведрами.

— Отойди, девочка, ты мешаешь!

Спотыкаясь, я добралась до растущего в стороне вяза и замерла, прислонившись к стволу. Раскаленные угли постепенно перестали тлеть, и воду на них больше не выливали. Но черный снег все так же продолжал падать, словно это осыпались кусочки моей жизни.

— Она стоит так уже больше часа, — пробормотал один мужчина, обращаясь к другому, когда они проходили мимо.

— Польшал такой ужасный огонь! — раздался позади женский голос. — Все сгорело, даже китаец.

— Они продали «Свисток» китайцу? — спросила другая женщина.

Мое лицо вспыхнуло, когда она прокомментировала это, а не смерть отца. Нам никогда здесь не были рады. Глупо было ожидать, что сейчас люди изменят свое отношение только потому, что отец погиб. Я обернулась посмотреть на обеих женщин и только теперь заметила собравшуюся толпу. Густая пелена дыма истончилась до черной вуали.

— Еще полгода назад. Ты разве не знала? Ну а риск пожара всегда есть, когда торгуешь галантерейным товаром. Подобные лавки — просто пороховая бочка. — Одна из женщин наконец заметила меня, мои плотно сжатые губы и опухшие глаза. Она толкнула подругу локтем, и они поспешили прочь.

Улетайте, вороны! Это вам не цирковое представление! Мой отец был величайшим человеком из всех, кого я знала. Он был для меня всем.

Я крепче ухватилась за ствол вяза, чтобы не упасть.

Родившемуся в год Змеи обычно везет. Но время от времени на свет появляется невезучая Змея. Моя мать умерла при родах, а это явный признак того, что жизнь ребенка будет несчастливой. Чтобы обмануть судьбу, слепая гадалка велела отцу никогда не стричь мне волосы, иначе неудача может вернуться. Вдобавок

сказала, что я должна сопротивляться своим змеиным слабостям, таким как плаксивость и желание, чтобы последнее слово всегда было за мной.

— Жаль твоего отца, — произнес знакомый голос.

Наш домовладелец Тай Йоркшир стоял рядом и качал головой. Из-за своего одутловатого лица он выглядел старше, хотя ему, как и отцу, было чуть за сорок.

Я вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— И моего лучшего здания тоже очень жаль, — добавил он, двигая в своей манере нижней челюстью. Его левый глаз моргнул, а ресницы затрепетали, как крылья мотылька. — Иногда выпадают глаза змеи.

Я ахнула. Откуда он знал мой китайский лунный знак?! Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он говорит об игре в кости, а не обо мне.

— Я сейчас должен встретиться с людьми из страховой компании. А тебе лучше привести себя в порядок, смыть с себя сажу. Отправляйся-ка в гостиницу «Ла Бель» — она принадлежит мне. Бетси выделит тебе хорошую комнату. — Он дотронулся до края шляпы и, отвернувшись от меня, окликнул двух стоявших неподалеку мужчин.

Я недоверчиво глядела ему вслед, несмотря на сделанное мне сейчас любезное предложение. Рядом с этим человеком я всегда чувствовала себя неудобно. Может быть, из-за того, что фалды его сюртука на чересчур широких бедрах постоянно торчали в стороны, словно лопаты. Отец говорил, что лопата символизирует жадность, потому что такую форму имели первые китайские монеты.

Одна из проходивших мимо зевак, взглянув на меня, прикрыла рот рукой и в страхе отпрянула. Ее спутник обнял ее за плечи и осторожно повлек в сторону, словно я бешеное животное, которое может укусить. Невозможно винить его за это. Я сама не знаю, как

поступлю в следующий момент. Гнев и ужас отравляли мое нутро, заставляя каждый нерв выть от боли. Мне хотелось кричать и плакать. Я была как скрипичный смычок, согнутый до предела и готовый сломаться.

Но я не сломалась. Вместо этого я поплелась в сторону Майн, даже не зная, куда именно иду, механически переставляя ноги так, чтобы не ступить в одну из лежащих повсюду куч лошадиного навоза.

Задохнулся ли он перед тем, как пламя... Я потрясла головой. Мне было невыносимо думать об этом.

Мой приемный французский дедушка считал отца своим учеником. Отец мог предсказывать погоду, слушая пение птиц. Знал, какие растения исцеляют, а какие отравляют. Говорил на шести языках. Он снимал шляпу перед всеми, даже перед миссис Уайткомб, которая регулярно воровала у нас пуговицы.

Влажный вечерний воздух облизывал мне лицо и обнаженные руки. Я где-то потеряла свою шаль.

Справа от меня в сторону Миссури тянулась нить железнодорожных путей с вереницей вагонов. Город Сент-Джо стоял на краю цивилизации. Люди приезжали сюда, чтобы прыгнуть в «великую неизвестность», начинающуюся с переправы на пароме через мутные воды Миссури.

В великой неизвестности исчез и нефритовый браслет матери, после того как отец по какой-то причине отдал его бакалейщику, мистеру Траску. Теперь у меня ничего не осталось.

Я прижала футляр со скрипкой к животу и усталилась на реку. Мерцающая поверхность манила меня. Я могла бы последовать за отцом и не оставаться в этом несправедливом мире, который никогда не дарил нам с ним ни одного теплого взгляда. При таком сильном течении смерть будет быстрой.

Но отец не хотел бы этого.

В страхе и волнении я отшатнулась. Ботинок запнулся о мешок с песком, и на этот раз я действительно упала, выронив футляр.

— Поберегись! — раздался возглас молодого человека, несущегося верхом на лошади прямо на меня.

Я прикрыла голову руками. Его гнедая оставила след всего в нескольких дюймах от моей головы. Я успела разглядеть над ее копытами белые отметины, похожие на носки. Лошадь замедлила шаг.

— Вы в порядке, мисс? — спросил всадник тихим, но твердым голосом.

Я кивнула, не оглядываясь. Отец всегда говорил: *тот, кто больше встает, чем падает, преуспевает*. Я поспешила подобрать свою скрипку, пока не появилась другая лошадь и не растоптала ее. Всадник двинулся дальше.

Я поймала себя на том, что стою перед гостиницей «Ла Бель», чей выкрашенный в розовый цвет фасад выделялся среди унылых соседних домов. Но вблизи на стенах был отчетливо заметен слой грязи. Мы с отцом избегали этой улицы, потому что он считал, что неровная поверхность приносит плохую энергию. Но больше идти мне было некуда.

Я распахнула тяжелую дверь. Стоявшая за резной ореховой стойкой женщина в платье из яркой тафты подняла ко мне сморщенное лицо:

— Да?

— Добрый вечер, мэм, — пролепетала я дрожащим голосом. — Я — Саманта Янг. Мистер Йоркшир сказал, что мне можно временно пожить здесь.

— Боже мой! — воскликнула она, и ее тонкий носик дернулся, как у мыши.

Ее трость волочилась по полу, пока она ковыляла ко мне: *ш-ш-ш, тук, ш-ш-ш, тук*. Женщина презрительно оглядела мое лицо и опустила взгляд

на поношенные ботинки. После долгой паузы она крикнула в сторону:

— Аннамей, отведи мисс Янг в комнату 2А и отмой ее хорошенько!

В дверном проеме за лестницей появилась девушка моего возраста, ее кожа была цвета ореха пекан. Я сразу поняла, кто она: хоть на ней и не было цепей, но клеймо на запястье выдавало ее. Это был прямоугольник из шести точек — по три в два ряда — выпуклых, словно капельки глазури. Если и можно было почувствовать себя еще хуже, то это произошло. Я вспомнила, как негры разгуливали по Нью-Йорку — статные и свободные, и в сотый раз пожалела, что мы оттуда уехали.

— Простите, мисс Бетси... — проговорила Аннамей тихим голосом.

Старуха прищурилась, словно само то, что Аннамей обращалась к ней, вызывало у нее недовольство.

— Вы же хотели, чтобы я сегодня вечером забрала белье из прачечной. Я как раз собиралась туда пойти, — Аннамей запахнула на плечах шаль и повернулась лицом в сторону главного входа.

— Я передумала! Как ты вообще смеешь со мной спорить?! — Голос мисс Бетси звенел в воздухе. — Делай, что я сказала, и поживее! — Она замахнулась, словно для удара, но Аннамей была уже вне досягаемости.

Девушка посмотрела на меня глубоко посаженными глазами. Китайцы считают, что такие глаза указывают на аналитический, практичный склад ума. Взгляд, который она бросила на меня, не был злым, но в нем была искра чего-то (может, гнева?), что усугубило чувство вины, которое я уже и без того испытывала. Взглянув еще раз на дверь, Аннамей склонила голову и положила руку на перила. Шаг за шагом она поднималась по лестнице, как будто каждое движение давалось ей с трудом. Я побрела за этой девушкой